

Исследователь подводного мира

Имя Леонида Михайловича Суцzeni тесно связано с развитием биологической науки в Беларуси. Крупный ученый не только сам достиг выдающихся научных результатов в области экологии, зоологии и гидробиологии, но и заронил творческую искру поиска в сердца молодых исследователей. Ему удалось объединить талантливых ученых и создать в академическом пространстве новый научно-исследовательский центр – Институт зоологии. Л.М. Суцzenia выступил одним из организаторов минской гидробиологической школы, благодаря своим новаторским исследованиям получившей мировое признание.

Научную и организационную работу ему удавалось органично сочетать на любых, занимаемых им, должностях: академика-секретаря Отделения биологических наук АН БССР, директора Института зоологии АН БССР, президента Академии наук Беларуси, председателя Научного совета по проблеме «Рациональное использование, воспроизводство и охрана ресурсов водных и наземных животных», руководителя Рабочей группы по внутренним водоемам Советского Комитета по программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера», национального представителя СССР в Международной ассоциации теоретической и прикладной лимнологии, главного редактора журнала «Весці АН БССР. Серыя біялагічных навук».

В настоящее время академик НАН Беларуси и РАН, заслуженный деятель науки БССР, доктор биологических наук, профессор Леонид Михайлович Суцzenia – почетный директор Научно-практического центра НАН Беларуси по биоресурсам, главный научный сотрудник лаборатории гидробиологии.

Осенним днем 11 ноября 1929 года у хуторянина Михаила Суцzeni было многолюдно: отмечали рождение первенца. Мальчика назвали Леонидом. Только и было разговоров, что родился наследник хутора. Никто, конечно, тогда и предположить не мог, что таких наследников будет еще семь. И придется скромное хозяйство из четырех гектаров земли, лошади, двух коров и небольшой пасеки делить на восьмерых детей. Мизерное наследство досталось бы Леониду, если бы он остался крестьянствовать на брестской земле в деревне Малые Луки.

Как известно, все мы родом из детства, именно там кроются истоки нашего настоящего «я». Для крестьянского паренька из многодетной семьи, выросшего на хуторе, определяющим началом стала любовь к природе. Изучение представителей фауны и постижение, таким образом, законов развития Земли было потом главным делом исследователя Леонида Суцzeni.

А вначале – обычная крестьянская жизнь: работа от зари до темна. Всю тяжесть этого нелегкого труда он сполна ощутил буквально с ранних лет. У отца

Михаила Александровича не было образования, хотя он самостоятельно выучился немного писать и читать. Мать Елизавета Михайловна закончила три класса сельской школы. Гордилась, что умела расписаться и все-таки научилась читать книги. Леонид нередко замечал, как она брала с полки домашней библиотеки книги Ремарка, Толстого, Хемингуэя. Тяга к литературе передалась и сыну: на всю жизнь он запомнил свою первую самостоятельно прочитанную книгу – повесть Л.Н. Толстого «Хаджи Мурат».

Мать была главой семьи, так что это ей принадлежало решение продать хозяйство и переехать в Барановичи. При Пилсудском белорусы по своей воле не могли переселиться из деревни в город, для этого надо было изменить православию и перейти в католичество. Елизавета Михайловна подготовила челобитную и, стоя на коленях перед воеводой, упростила его дать разрешение на переселение без изменения религии.

– Я уже не помню, где был куплен тот большой бревенчатый дом на два конца, который мы поделили на четыре комнаты, кухню и пристройку-прихожую с погре-

ПАТРИАРХИ
БЕЛОРУССКОЙ
НАУКИ

бом, – отметил Леонид Михайлович. – Но по улице Богдановича, 21 в Барановичах он сохранился до наших дней и теперь служит мне напоминанием о юности.

Великая Отечественная война разбила школьные годы Леонида Суцены на два периода: «до» и «после». «До» было обучение в польской школе, изучение закона Божия, потом немецкие бомбежки, жизнь в оккупации с ее бедами и трудностями. «После» – нелегкое возвращение к мирной жизни, начавшееся своеобразным экспериментом на грани фола: в седьмом классе на первом же коротком диктанде по русскому языку он сделал около 60 ошибок. Но это не стало поводом, чтобы сложить руки и поставить точку на своем образовании. Настойчивость и изобретательность вкупе с неистовым желанием учиться в дальнейшем все-таки принесли свои дивиденды. Ему удалось экстерном пройти восьмой класс, в девятом совмещать работу учеником на Центральном телеграфе с учебой в школе рабочей молодежи и получить выпускной аттестат, где среди отличных оценок остались только две четверки. *«Видно, мне не нравилась крестьянская жизнь, вот я и постарался лучше учиться»*, – шутит Леонид Михайлович, вспоминая школьные годы.

Переход к студенческой жизни состоялся как само собой разумеющееся, об этом Л.М. Суцены скажет так: *«Начался новый этап моей жизни, который сулил много нового и, как говорил В.И. Ленин, «архинтересного»*. Но не только архинтересное ожидало студента биофака БГУ, предстояло еще правильно сориентироваться в ситуации, сложившейся в 1948 году в большой социалистической стране с «опальной» биологией. В СССР стала набирать силу «лысенковщина».

– *Ожидая занятий в университетском скверике, я решил почитать газету «Правда». Открываю, смотрю, опубликован доклад Т.Д. Лысенко на августовской сессии ВАСХНИЛ. В нем автор излагал свой взгляд на «мичуринскую» биологию. В своем докладе Лысенко грошил учения Вейсмана и Моргана, подверг жесточайшей критике взгляды крупных советских генетиков. С интересом прочитал все от корки до корки, хотя в то время еще ничего, по сути, не понимал. Чувствовал только:*

Президент
Академии наук
Беларуси
Л.М. Суцены.
Июнь 1992 года

происходит что-то серьезное, и это касается избранной мною области знаний.

После августовской сессии ВАСХНИЛ начался разгром советской биологии. Многих лишили должностей, увольняли с работы. Был снят с должности президента Академии наук БССР академик Антон Романович Жебрак, заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных животных мой будущий учитель профессор Георгий Георгиевич Винберг – «формальный» биолог антилысенковских взглядов, соавтор учебника по общей биологии, которым запретили пользоваться после сессии ВАСХНИЛ 1948 года.

Позже, после практики на Мурманской морской биологической станции, я пришел к Г.Г. Винбергу в гидробиологический кружок, написал курсовую работу по фауне Дальнезеленецкой губы Баренцева моря. А потом подготовил дипломную работу по влиянию гербицидов на водную растительность. В общем, вошел в науку гидробиологию, которая на всю жизнь стала моей основной специальностью.

НАШЕ ДОСЬЕ

СУЦЕНЯ Леонид Михайлович.

Зоолог, гидробиолог, академик Национальной академии наук Беларуси (1980); член-корреспондент с 1972), академик АН СССР (1990), Российской АН (1991). Доктор биологических наук (1970), профессор (1980). Иностраннный член Польской АН (1994), Литовской АН (1995). Заслуженный деятель науки Беларуси (1978).

Родился в 1929 году в д. Малые Луки Барановичского района Брестской области. Окончил Белорусский государственный университет (1953). С 1956 года – ассистент кафедры зоологии беспозвоночных Белгосуниверситета. С 1959 года – научный сотрудник Севастопольской биологической станции АН СССР, с 1964 года – заведующий отделом физиологии Института биологии южных морей АН УССР. С 1971 года – заведующий отделом зоологии и паразитологии АН БССР, с 1980 года – директор Института зоологии АН БССР (с 1995 года – почетный директор Института), одновременно в 1979–1992 годах – академик-секретарь Отделения биологических наук АН Беларуси, в 1992–1997 годах – президент Академии наук Беларуси. С 1997 года – советник Президиума НАН Беларуси.

Автор более 200 научных трудов, в том числе 8 монографий.

Сфера научных интересов: экология, гидробиология, баланс энергии в экосистемах.

Награжден орденами Трудового Красного Знамени (1988), Дружбы народов (1986), Отечества II (2009) и III (1999) степеней, Дружбы (1999; Российская Федерация), медалью.

РОМАНТИКА ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ

Все началось с летней практики, проходить которую студента Леонида Сущенко отправили на Баренцево море. После он скажет: «*Морем я просто заболел. Оно настолько захватило меня, что обратно в Минск я вернулся, горящий желанием снова оказаться на море. Окончил университет, читал лекции в БГУ, был ассистентом, а потом и исполняющим обязанности доцента, но все это время моя мечта о море держала меня в плену*».

Л.М. Сущенья был в числе первых, кто подал документы на конкурс в качестве претендента на сотрудника новой лаборатории, открывавшейся в одном из научно-исследовательских центров Украинской академии наук с очень красивым названием – Институт биологии южных морей. И был принят. Но реально осуществить этот шаг оказалось не так-то просто: Л.М. Сущенью, как члена партии, не снимали с учета. Он обошел все партийные инстанции университета, но никто не хотел отпускать перспективного молодого ученого в Севастопольский институт. А не сняться с учета означало полную блокаду по всем направлениям, в том числе и по продвижению в науке. Желание осуществить свою мечту придавало решимости, поэтому он отважился на последний, во многом опрометчивый шаг: обратился в отдел науки ЦК КПБ. И был услышан. «Даем добро на снятие вас с учета с надеждой, что вы обязательно в Белоруссию вернетесь», – сказали в ЦК. Тогда Л.М. Сущенья не знал, что пожелание, которое выскажут ему в дороге, будет во многом пророческим. Но произойдет это не так скоро, 12 лет ученый посвятит изучению обитателей глубин морей и океанов. За это время он серьезно войдет в науку, приобретет научное имя, благодаря своим новаторским работам и многочисленным публикациям в престижных научных журналах, активному участию в международных конгрессах, станет известным и при-

Товарищи по комнате студенческого общежития БГУ. Л.М. Сущенья – во втором ряду в центре. 1950 год

знанным специалистом-гидробиологом не только в Советском Союзе, но и за его пределами.

Романтики все же хватило с лихвой. Как участник масштабной комплексной экспедиции на крупнотоннажном корабле Морского гидрофизического института – НИС «Михаил Ломоносов» – он пересек Южную Атлантику вдоль экватора. Попутно выполнил большой комплекс биофизических и гидрологических работ. Изучал обитателей экваториального течения от берегов Африки до Южной Америки. Побывал и в Рио-де-Жанейро.

Собранные в процессе экспедиции образцы могли прийти в негодность от изнуряющей жары, потому гидрологи попросили своих бразильских коллег по возможности предоставить оборудование для проведения исследований. Им предложили поработать в лаборатории одного научного центра. Приставленный к ним в целях безопасности вооруженный охранник практически круглосуточно находился с нашими учеными. Обстановка в то время в городе, в который так мечтал попасть Остап Бендер, была беспокойная: назревал революционный переворот – бразильцы готовились свергнуть своего президента Гуларта. Но русские исследователи на происходящие перемены смотрели сквозь пальцы. Поблагодарив коллег за предоставленный для экспериментов современный американский спектрофотометр, они работали. Двое суток за ними, увлеченно осуществлявшими в лаборатории пробу за пробой, со стороны наблюдали бразильские коллеги, для которых русские ученые были в диковинку. Наконец эксперименты закончились. Отобранного и изученного материала с лихвой хватило, чтобы опубликовать новые интересные данные в журнале «Океанология».

А еще запомнилась сама Бразилия праздничной процессией пышного карнавала, ароматом кофе, без которого трудно представить день местных жителей, и жгучей сальсой, звуки которой даже европейцев заставляли пуститься в пляс.

В следующую экспедицию по исследованию прибрежных вод Кубы в Карибском море Леонид Сущенья отправился уже в качестве начальника берегового отряда. По прилету в Гавану советские исследовате-

ли обратили внимание на курсирующую в аэропорту машину скорой помощи, на борту которой красовалась надпись «Patria o muerte» – «Родина или смерть». Тогда им показалось, что революционный дух Кубы ощущается буквально во всем.

– В начале 1966 года праздновали очередную годовщину Кубинской революции, – вспоминает Л.М. Суцения. – Мы сидели около правительственной трибуны на площади Революции. С многочасовой и страстной речью, положив свой пояс с револьвером на трибуну, выступал Фидель Кастро. На площади собралось около миллиона человек. Многие занимали места еще накануне. Впечатление просто потрясающее.

Но главной целью советско-кубинской экспедиции были серьезные научные задачи. Во-первых, изучить предполагаемые промышленные объекты Карибского моря. Во-вторых, путем стажировки у русских специалистов на корабле за время исследовательской работы подготовить кубинских гидробиологов. И, в-третьих, финал экспедиции сводился к тому, чтобы открыть Институт океанологии Академии наук Кубы. За два года, с 1965 по 1967, все намеченное удалось выполнить в полном объеме.

НАУЧНАЯ СТЕЗЯ

Гидробиология – наука о жизни и биологических процессах в воде, потому коллеги признанного специалиста в этой области академика Л.М. Суцению, бывало, в шутку называли «мокрых дел мастер». Впрочем, полученные им знания о функционировании обитателей водных просторов позволили значительно расширить познания об их жизнедеятельности, возвести на новую ступень и «мастерство» гидробиологов в международном масштабе.

Профессор Г.Г. Винберг был первым учителем, который предложил – тогда еще аспиранту – Суцение сосредоточить свои исследования на изучении зоопланктона. Путь в науку, как правило, тернистый. Слабый уровень развития инструментальных возможностей не позволил молодому исследователю глубоко проникнуть в первопричины взаимодействия фито- и зоопланктона. Некоторая растерянность сме-

нилась новой идеей об изучении пищевых взаимоотношений мелких планктонных животных, которую он почерпнул из книги известного советского ученого профессора В.С. Ивлева. Его Л.М. Суцения считает вторым учителем. О своих первых экспериментах Леонид Михайлович и сегодня говорит с воодушевлением:

– Когда осуществляешь новую идею, у тебя словно расправляются крылья. Питание мелких планктонных животных, которые обладают способностью фильтровать мелкие частицы и поглощать их, а также микроводоросли, – в этом я нашел свою золотую жилу. Сразу пошло у меня дело, эксперименты удались, раскрыл ряд процессов влияния фильтрационного питания на жизнь зоопланктона. Тема со стороны может показаться мелкой, но если взять в целом биосферу, то

Сотрудники кафедры зоологии беспозвоночных биологического факультета БГУ (слева – ассистент Л. М. Суцения). Середина 1950-х годов

эти глубинные процессы играют колоссальную роль, потому что именно с них начинается все взаимодействие мелких животных и водорослей, проживающих в любом водоеме.

Данная проблема в Советском Союзе практически не изучалась, поэтому, чтобы обсудить полученные результаты, я встречался с датскими учеными и исследователями других зарубежных стран.

В экспедициях по Гибралтарскому проливу, Ионическому, Средиземному и Карибскому морям, Атлантическому океану Л.М. Суцения открывал скрытые глубинной толщей механизмы функционирования крупных морских экосистем. В частности, распределение хлорофилла и взвешенного органического вещества в толще воды. Во время советско-кубинской экспедиции ученый сконцентрировался больше на проблеме использования морских ресурсов, выбрав

в качестве объекта исследования промышленного каменного краба.

Для себя Л.М. Суцены нашел новую стезю – изучение ракообразных всех видов в популяционном и энергетическом плане, их рост, питание, баланс энергии и т. д. В дальнейшем эта тема стала основой его докторской диссертации. Собранный материал едва уместился в два тома, но все равно соискатель докторской степени Л.М. Суцены очень волновался. И было из-за чего. Защищать докторскую диссертацию он собрался в Институте океанологии в Москве. Таким образом, кандидат наук из Беларуси решил получить своеобразный зачет у лучших специалистов-гидробиологов.

– Не искать, где легче, а идти туда, где труднее. Вот свойство моего характера, – поясняет свое решение Леонид Михайлович. – Зато сколько гордости и радости было, когда я вернулся в Севастополь победителем.

Сейчас несколько другое время. У меня ощущение, хотя, может, оно и не совсем правильное, но я все же часто к нему возвращаюсь, что те достижения, которые произошли в моей жизни, несколько обесценились. Иначе говоря, нивелировалось ощущение накопленного интеллектуального и научного богатства.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В 1971 году в Севастополь сотрудников Института биологии южных морей Михаилу Суцене пришло несколько неожиданное приглашение: вернуться для продолжения научной работы на родину.

– Эта счастливая для меня идея принадлежала президенту Академии наук Беларуси Николаю Александровичу Борисевичу. Он начал кампанию по сбору «беглецов»- белорусов из научных учреждений всех республик Советского Союза. Ученым не просто предлагалось вернуться в Беларусь: приглашение подразумевало по возвращении не беседу и обсуждение планов, а конкретное место работы, вплоть до должности. Мне было предложено возглавить отдел зоологии и паразитологии АН БССР. Так я стал членом новой команды исследователей, призыва 1971 года, как

мы с долей иронии себя называли, которые «влились» в Белорусскую академию наук.

– Я – исконный белорус, – говорит о себе Леонид Михайлович. – Мои корни здесь. Это мой дом. Здесь жили мои родители. Поэтому, несмотря на мою романтику и любовь к морю, я вернулся в родные края и вдохновенно трудился. Начался следующий этап моей жизни, связанный с серьезным вхождением в науку и обретением научного имени.

Среди выпускников биофака БГУ 1971 года, по словам Л.М. Суцены, было столько по-настоящему талантливых исследователей, что он без труда набрал основной

Сотрудники лаборатории экспериментальной экологии водных животных АН БССР, считавшейся одной из лучших в Советском Союзе. 1987 год

костяк лаборатории и возглавил работы по экспериментальной биологии и гидробиологии. Молодежь активно постигала науку, основу которой составляли разноплановые экспедиции. Водоемы, их обитателей, а также их глубинные взаимосвязи ученые изучали в Беларуси, на Дальнем Востоке, в Краснодарском крае, на Таймыре, Камчатке, Прибалтике, в Средней Азии. Полученный уникальный материал и творческий поиск под руководством опытного учителя приносили свои плоды: защищались кандидатские и докторские, выделялись новые научные направления. Не прошло и пяти лет, как из одного отдела образовались две лаборатории, а потом и Институт зоологии. Численность нового НИИ – около 130 человек, в том числе 4 доктора и почти 30 кандидатов наук.

Прочно «вжился» в коллектив Белорусской академии наук и Л.М. Суцены. После того как ему удалось отстоять в Москве

создание нового института, началось его продвижение по административной лестнице. Леонид Михайлович был избран заместителем академика-секретаря Отделения биологических наук, затем академиком-секретарем, а потом и президентом Академии наук Беларуси. Руководство такой сложной и многогранной системой, как Академия наук, представляла собой невероятно трудную задачу. Нелегкий хлеб управленческой деятельности и ответственности несколько отодвинул на второй план научную работу. Зато в очень трудное время 1991–1997 годов – не только для Академии, но и для всей республики – ему удалось сплотить научную элиту страны и сообща выстоять против стремительных разрушительных процессов, накатывающих один за другим. Вначале распад могучей державы – Советского Союза, повлекший за собой и разрыв многолетних научных связей с коллегами из других республик. Рухнула система прежнего финансирования. Уменьшилось количество заказчиков на научные разработки и внутри республики. В то же время расцвела невиданная ранее активизация коммерческих дельцов в Беларуси, которые позарились и на научные учреждения, нередко рассматривая помещения институтов как платформу для дальнейшего расширения деятельности своей компании. Коммерсанты рассчитывали трансформировать научно-исследовательские лаборатории под коммерческие проекты, прибрать в частные руки типографию Академии наук... Но планам дельцов не суждено было реализоваться. Во многом в этом заслуга Л.М. Суцzeni и команды его единомышленников – академиком Р.Г. Горецкого, А.М. Гончаренко, М.С. Высоцкого, которая поддержала намерения президента Академии наук сохранить богатый потенциал и всемирно известные научные школы Беларуси.

– *Скорее, найти путь спасения того, что было, – так оценил происходящие события Л.М. Суцzeni. – Предотвратить процесс разрушения Академии наук, причем целенаправленного. Речь шла даже о том, чтобы закрыть Академию. Причем такой посыл исходил не только от различных дельцов, которые хотели урвать свой лакомый кусок. Аналогичный сцена-*

рий развития событий не исключался и на самом верху, в правительстве, где, похоже, тоже не совсем понимали, какую ценность представляет собой главное научное учреждение страны.

Отмечу, что мы пытались восстановить нарушенное всеми этими процессами научное пространство. Наиболее почетным для меня было в 1994 году включение в состав государственной делегации Республики Беларусь в Москву (Кремль) для участия в подписании Договора об

Во время визита в Институт океанологии АН Кубы. В первом ряду справа от Л.М. Суцzeni – его ученик Роберто Кларо, крайний справа – академик АНБ А.М. Гончаренко. Гавана, 1993 год

разовании Сообщества Беларусь – Россия. Я люблю Россию. Дай Бог, чтобы это общество жило. Горжусь, что был академиком АН СССР, а сейчас Российской академии наук. Конечно, я очень люблю Беларусь и горд тем, что награжден орденом Отечества III степени Республики Беларусь «За плодотворную научно-педагогическую деятельность и большой личный вклад в развитие отечественной науки» и орденом Дружбы Российской Федерации «За крупный вклад в развитие науки, укрепление дружественных отношений и сотрудничества между государствами».

ОТДЕЛЬНОЙ СТРОКОЙ

Глобальные проблемы – ухудшение качества воды, задымление и загазованность воздуха и масса других, пока еще обратимых процессов, обусловили инициирование в Беларуси в 1980 году подготовки прогноза по изменению в биосфере. Возглавил работу Л.М. Суцzeni.

– *Несмотря на то, что это, можно сказать, давнишняя история, в целом проект стал неким рывком интеллектуальных усилий научной элиты республики. К участию в работе подключились не только академические институты, но и ряд проектных, специальных биологических, социологических и транспортных НИИ, а также университеты. Готовых*

подходов не было, многие методики разрабатывались практически с нуля. Специальная комплексная группа исследователей подготовила эскиз этого прогноза, обозначив наиболее актуальные проблемы. Потом были организованы исследования, с помощью которых накапливалась информация по различным направлениям. Через несколько лет вышел прогноз. Как всегда засекреченный, он осел где-то на полках первых отделов.

Сейчас могу сказать, что правильно мы предвидели многое. Например, проблеме с качеством воды в водоемах. Хотя в Беларуси пока ситуация не столь критична, как в других странах, в частности в Германии. Там уже почти не осталось природных рек и озер, где можно купаться. Не говоря уже о питьевой воде, на подготовку

Вместе с учениками школы юного биолога, организованной при Отделении биологических наук АН БССР, Л.М. Суценья и ректор школы доктор биологических наук И.Б. Моусэ. Минск, 1988 год

которой к употреблению тратаются во всем мире огромные средства.

В 1986 году к глобальным проблемам добавилась еще и чернобыльская трагедия, которая до сих пор продолжает вносить свои роковые поправки в экологию природы Беларуси и здоровье граждан. Первые попытки ученых Академии наук донести информацию о беде до руководства страны наткнулись на стену административной глухоты. В академическом Институте проблем ядерных исследований в Соснах был создан штаб, первоочередной задачей которого стало добиться признания самого факта чернобыльской катастрофы. В состав комиссии по исследованию последствий аварии входили и биологи, и зоологи, и гидробиологи, и другие специалисты.

– Когда первый этап человеческой психологии неприятия и абстрагирования от проблемы был пройден и все осознали необратимость последствий радиоактивного заражения, пришло время решать, как оценить масштабы произошедшего, – рассказал член комиссии Л.М. Суценья. – Ведь поначалу никаких измерительных средств, в том числе и дозиметров, в Беларуси не было. Так что совсем не просто оказалось пролить свет на такую архиважную проблему: в каком количестве и в каких регионах радиоактивные элементы попали в живые системы? В решении данной задачи активное участие приняли и сотрудники Института зоологии, которые картировали всю республику по этим показателям. Материал подытожен в монографии «Животный мир и радиация». За научно-исследовательские работы, связанные с чернобыльской тематикой, и активное участие в ликвидации последствий аварии меня наградили орденом Трудового Красного Знамени.

Люди склонны к успокоению. Если острота этой проблемы и ушла, то сама проблема – нет. Она долговременная, и чернобыльские события будут напоминать о себе еще не одно десятилетие, но осуществляемый экологический мониторинг Беларуси позволит нам в какой-то мере контролировать ситуацию.

МЕСТО ОБЕТОВАННОЕ

Озеро Нарочь – самое большое в Беларуси. Водное зеркало его размером 9 на 12 км с отмелью до 400 метров по периметру. Озеро на 80 % окружено сосновым лесом. В радиусе 10 км от озера есть 11 маленьких и 4 больших озера Мястро, Мядель, Баторино, Белое, которые формируют «курортный» микроклимат, главностью которого является значительно меньшее выпадение осадков, особенно летом, и большее количество солнечных дней в году. Здесь каждый почувствует себя наедине с природой, а если повезет, то и со стихией.

Уже давно этот неповторимый природный водоем стал объектом для изучения ученых. Здесь проводила исследования «Минская смена гидробиологов». Трудно-

лись сотрудники лаборатории, созданной Л.М. Сущенко на базе отдела зоологии Академии наук, выдающиеся научные достижения которых принесли ей славу одной из лучших лабораторий в СССР. Высокую планку исследований водных артерий и их обитателей подхватили специалисты биофака Белорусского государственного университета. Поэтому не удивительно, что обменяться опытом в Беларусь на Нарочанские встречи, которые проходили всегда оживленно и интересно, съезжались специалисты со всего Советского Союза: из Москвы, Ленинграда, Сибири. Впоследствии на Нарочи была создана постоянно действующая биологическая станция. Сейчас работу ее курирует коллега Леонида Михайловича заведующий лабораторией экспериментальной гидробиологии биологического факультета БГУ Александр Павлович Остапеня.

Так сложилось, что Нарочанские встречи получили в Беларуси постоянную прописку и даже стали более масштабными. В новых современных условиях на Нарочи прошла уже не одна международная конференция, на которую приезжают специалисты из СНГ и дальнего зарубежья.

– Я объездил более 100 стран мира, побывал во многих научных центрах и опытных базах, видел немало экспериментальных исследовательских лабораторий и не побоюсь сказать, что, пожалуй, лучшая биологическая станция мира находится в Беларуси, на озере Нарочь, – считает академик Л.М. Сущенко. – У каждого свое место под солнцем, но для отечественных ученых-гидробиологов это, можно сказать, место обетованное, благодаря которому есть уникальная возможность проявить себя на поприще науки и внести свой вклад в копилку мировых достижений.

***

Неотъемлемой составляющей моего опыта вхождения в науку всегда были книги. Всю жизнь я собирал библиотеку, буквально, по крупицам: за отдельными научными экземплярами, в полном смысле слова, гонялся, за очередной художественный фолиант нередко отдавал большие деньги. Современные информационные технологии, Интернет, электронные

средства общения революционно изменили отношение людей к книгам. В целом, мне кажется, роль их серьезно приуменьшилась. Для меня это стало не только большим открытием, но и, в некотором смысле, драмой.

Однако полагаю, что многие жители XXI столетия, как и я, будут с увлечением читать классиков мировой художественной литературы и следить за тем, как развивается научная мысль, знакомясь с монографиями и публикациями выдающихся ученых. И собранная мной кладовая знаний – библиотека – пригодится будущим поколениям. Значительную часть из личной коллекции книг я уже передал в фонд Нарочанской биологической станции. Туда приезжают молодые ученые и талантливые дети. Возможно, кто-то из них заглянет в книгу и... придет в вос-

Премьер-министр Беларуси Сергей Сидорский вручает орден Отечества II степени академику НАН Беларуси Леониду Сущенко. 26 февраля 2010 года

хищение от того, сколько там сокрыто великих истин. Лично у меня до сих пор сохранилось впечатление от своей первой прочитанной книги. Готов и сейчас, спустя годы, как тот эмоциональный горец, которому прочитали вслух «Хаджи Мурата» Л.Н. Толстого, воскликнуть: «Такую умную книгу мог написать только Бог, но не человек!» Надеюсь, и потомки найдут, что почерпнуть из книг, и это послужит толчком к их самостоятельному творчеству в литературе, искусстве, культуре, науке, иначе говоря, используют свой шанс изменить мир.

Снежана МИХАЙЛОВСКАЯ ─